

В ЧАС ВОРОН

Дана
Эльмендорф

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
353

Dana Elmendorf
IN THE HOUR OF CROWS

Copyright © Exactly as it appears in the original
English language edition of the Work

All rights reserved including the right of reproduction in whole
or in part in any form. This edition is published by arrangement
with Harlequin Enterprises ULC

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события либо являются плодом воображения автора, либо используются в художественных целях, любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, предприятиями, событиями или локациями является случайным.

Перевод с английского *Ирины Обаленской*

Эльмендорф, Дана.

533 В час ворон / Дана Эльмендорф : [перевод с английского И. Обаленской] — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-204244-7

В маленьком городке вблизи Аппалачей до сих пор живы местные традиции. Люди красят стены в домах в синий цвет для отпугивания злых духов и говорят, что черные папоротники вырастают там, куда вскоре придет смерть. Агнес Уайлдер — набожная и властная старуха — правит своей внучкой Уэзерли железной рукой, потому что та обладает редким даром: девочка умеет заговаривать смерть.

Уэзерли хочет уехать из городка и избавиться от контроля бабушки, но становится заложницей своего дара, ведь кто-то может умереть, пока ее не будет рядом.

У лучшей подруги и кузины Уэзерли, Адэйр, тоже есть дар: она видит будущее. Прямо перед тем как попасть в аварию, Адэйр увидела что-то пугающее. Уэзерли знает об этом, и она уверена, что видение как-то связано с мэром города, который, узнав о нем, решает избавиться от провидицы. Но когда сын мэра умирает, а Уэзерли впервые не может заговорить его от смерти, весь город подозревает, что она намеренно не стала его спасать. Уэзерли, заручившись помощью проводника душ, намеревается доказать свою невиновность и найти убийцу кузины, чего бы ей это ни стоило.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Обаленская И., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-204244-7

*Папуле и всем тем утрам,
когда мы сидели на крыльце*

ПРОЛОГ

Я родилась в лесу в час ворон, когда день угас, но ночь еще не занялась. Бабуля Агнес помогла появиться мне на этот свет собственными голыми руками. Как научила ее мать. Как научила ту ее мать. И как она научила меня. Повитуха, травница, ведьма — все практики передавались из поколения в поколение от самых ее корней в Аппалачи.

И несколько подобранных по пути новых трюков.

Перед смертью дедуля предупредил меня, что в бабуле Агнес живет зло. Он ошибался. Зло жило не только в бабуле, но и во мне.

Я узнала это в ночь, когда умерли те близняшки.

— Узерли, — той далекой ночью разбудил меня сонный голос бабули. — Одевайся. Не забудь панталоны.

Ночнушка с Винни-Пухом, драная и тонкая, была уловом из корзины с бесплатной одеждой в церкви. Если воду приходится доставать из колодца, а за по-

рошок платить, часто стирку затевать не будешь. Так что нижнее белье мы носили только днем.

Мои десятилетние кости ныли от смерти, от которой я заговорила сестер Бодин днем, а в горле все еще комом стояла мокрота. Я влажно откашлялась.

— Ну-ка.

Бабуля подала мне синюю бутылочку от духов с чужой пробкой. Я привычно отхаркнула смерть в бутылочку. Густая мокрота скользнула по изогнутому горлышку и шлепнулась на дно. Черный комок, готовый к тому, чтобы его проглотил кто-то другой.

Он пах гнилой плотью и на вкус был как страх.

Масло пожирателя грехов — так звала его бабуля — было для души вроде сыворотки правды. Добавь несколько капель в пирог, и узнаешь, украли ли соседка овощи из твоего сада. А если смешать масло с определенными травами, то его сила увеличится и оживут заговоры из бабулиной коробки с волшебными рецептами.

Ну а если — такое было всего несколько раз — если принять его в чистом виде, результат будет смертельным.

Перед нашим домиком стоял блестящий новенький «Корвет» с сияющими в свете луны дисками. По крыльцу взад-вперед ходила мужская тень. Мужчина выступил на свет, и только тогда я разглядела его лицо. Стоун Ратледж. Он тогда был выше, тоньше и коварней.

Могильный Прах, крупный матерый мужик, зарабатывавший прозвище копанием могил на кладбище, закинул сосновый ящик чуть меньше меня размером в кузов нашего пикапа. Он возил нас всюду, куда по-

требуется, — зрение у бабули было паршивое, а мне только исполнилось десять. Мы поехали следом за Стоуном, пока его низкая машина тащилась, скребя днищем, по грунтовой дороге к фермерскому домику, стоявшему глубоко в лесу.

Внутри мерцала масляная лампа. Крики рожавшей женщины разносились во влажной ночи. Летний воздух в Джорджии всегда был плотным. Ночи были удушающими, невыносимыми, полными насекомых, которые яростно сражались с уличными фонарями.

У двери нас встретила женщина, находившаяся на грани истерики от того, что ее оставили за главную. Ее шея была обернута в жемчуга. На идеальных ногтях сверкал лак, когда она теребила нить. Она беспокойно выхаживала по застланному линолеумом полу, цокая каблуками.

Бабуля не озаботилась приветствиями. Она оттерла женщину плечом и направилась прямо к той, что кричала, со своим мешочком, полным акушерских припасов, и моим маслом пожирателя грехов. Могильный Прах схватил лопату и исчез в лесу.

В доме я собрала простыни и чистые полотенца и вскипятила воду. Я никогда прежде не видела этой кухни, но вещи во всех домах разложены примерно одинаково.

— Что здесь делает ребенок? — спросила Стоуна богатая женщина не слишком удавшимся шепотом. Ее испуганные глаза следили за тем, как я выполняю свои обязанности.

— Свою работу. Выпей. — Стоун впихнул ей стакан с виски.

Она опрокинула его в себя, откинув назад голову, будто запивала таблетки, и протянула ему стакан для добавки.

Пройдя на цыпочках в спальню, я тихонько вылила кипяток в таз. Протяжные стоны дамы разливались по комнате, будто печальная мелодия. Ветерок пробирался сквозь на дюйм приоткрытое окно и ласкал тюлевую драпировку кровати.

Когда я повернулась, чтобы передать бабуле полотенца, мой взгляд зацепился за маслянистую черную кровь, стекающую по простыням.

Мы пришли не на роды.

Нас позвали помочь с выкидышем.

Кровь в моих венах похолодела, когда я перевела взгляд на женщину.

На комод, возле которого стояла бабуля, лежали два свертка, крошечных и неподвижных. На полу стоял ящик для картошки. Бабуля медленно повернулась, услышав мои всхлипы, — я не поняла, когда начала плакать. Ее молочно-белые глаза встретились с моими — как всегда, вопреки ее частичной слепоте.

Она быстро и резко схватила меня за локоть. Ее пальцы впились в мою плоть, когда она подтащила меня к комоду, посмотреть, чему я стала причиной.

— Ты осквернила их души, — сказала она низким рыком. Я отвела взгляд, не желая разглядывать их несформировавшиеся тела. Костлявая рука вцепилась в мое лицо. Она чуть не сломала мне челюсть, когда заставила меня посмотреть на них. Черные вены, какие бывают только от масла пожирателя грехов, обвивали их искривленные, безжизненные

тела. — Это твоё деяние, дитя. За все, что ты делаешь за моей спиной, придется ответить. — И мне, и тете Вайолет.

Пару недель назад тетя Вайолет отлила немного моего масла. Я решила, что оно предназначалось больному дедушке или бабушке, которые готовились к встрече с Иисусом, — она не уточняла. Только велела не рассказывать. Сказала, что бабуля даже не заметит, что его стало меньше.

Так что я смолчала. Велела сомневающемуся в правильности этого поступка голосу заткнуться. Но она отдала мое масло пожирателя грехов женщине, теперь корчащейся от боли передо мной, чтобы та могла убить своих детей. Меня захлестнул стыд.

Я в отчаянии подняла глаза на бабулю:

— Не дай дьяволу меня забрать.

Бабуля расплылась в лучезарной улыбке, довольная моим страхом.

— Защитить тебя можно только одним способом, дитя. — От блеска ее глаз по позвоночнику пробежал холодок.

Нет. Я затрясла головой. Она обещала наказать, если только я буду неверно использовать свой дар. По щекам заструились слезы.

— Я ничего не делала! — выдавила я, но она только покачала головой.

— Мы должны очистить твою душу от этого греха и освободить тебя от дьявольской хватки. Ты должна искупить вину.

Бабуля пошарила в сумочке и достала оттуда два предмета: чиркнула спичкой и подожгла вороний ко-

гооть. Я закрыла глаза и отвернулась, не в силах смотреть. Но я все равно знала.

Голова женщины повернулась на мой плач. Ее красивые глаза посмотрели в мою сторону.

— Ты! — невнятно прорычала она. Ее растрепанные волосы прилипли к вспотевшему лицу. Черные вены от выпитого масла пожирателя грехов навек вытатуированной паутиной разбегались по животу, очерчивая тела ее детей. — Дьявольское отродье, — заплетающимся в злом рту языком сказала дама.

Ветер разгневанно взметнул шторы. О, эта ненависть в ее глазах. Ненависть ко мне.

Бабуля вытолкала меня в холл, велев ждать. Богатая женщина протиснулась внутрь. Дверь снова открылась, и деревянный ящик для картошки остался снаружи.

Женщина выла, пока богатая дама щебетала обещания, что однажды все наладится. Дверь крепко закрылась за нами, а плач эхом отражался от стен.

Разделив тьму с лучиком света, я гадала, наступит ли для нее это однажды.

Мои глаза молниеносно скользнули к ящику и обратно на уродливые обои, которыми была оклеена прихожая. Меня подтолкнуло любопытство. Оно тянуло меня, пока я не заглянула внутрь.

Там, на их крошечных телах, был знак грешника. Выжженный на груди вороний коготь. Такой же, как родимое пятно заговаривающей смерть у меня над сердцем. Бабуля заклеимила их, чтобы Иисус знал — виновата в произошедшем я.

Женщина была права — я была дьявольским отродьем.

Поэтому я сбежала.

Я выбежала из двери и пустилась вниз по дороге.

Я бежала, пока не заболели ноги, а потом пробежала еще немного.

Я бежала, пока соль не высохла на лице, не перестали литься слезы.

Я была гнилой, навсегда гнилой. Покуда мое тело производило масло пожирателя грехов, мне было предназначено такой оставаться. Выдохшись, я упала на колени. Из кармана я достала истрепанное воронье перо, которое хранила на такие случаи. Я свернулась клубочком у дороги, между деревом и пнем, обращая мольбы этому перу.

— Дьявольское отродье, — прошептала я и повторила эти слова мысленно. Приятно было присвоить себе то, кем я была. Подходящее имя для той, которая могла убить самых невинных среди нас.

Загадав желание, я подула на перышко и отпустила его лететь по ветру.

Что-то крошечное свалилось перед моим лицом. Сверкающее, как диски на машине Стоуна. Маленькое золотое кольцо с печаткой и какой-то надписью на ней. Я повернула голову набок, чтобы выровнять взгляд. «Р» с завитушками.

— Не плачь, — сказал молодой голос.

Устроившись как на жердочке на гниющем пне, надо мной сидел мальчик, самую малость старше меня. У него были короткая щеточка волос и черная одежда.

Я улыбнулась ему, благодаря за подарок.

— Уэзерли! — Громкий рявк распугал ночь и поставил меня подпрыгнуть. Голос Могильного Пра-

ха имел такой эффект на людей, хоть он нечасто им пользовался.

Черный дымок скользнул над моей головой к усыпанному звездами небу, и мальчик исчез. Я схватила кольцо и спрятала в карман, когда Могильный Прах пришел забрать меня. Он легко поднял меня с земли, будто я была куклой. Его рубашка пахла потом, землей и грядущими бедами.

Наказание бабули должно было меня спасти — этой мыслью я себя утешала. Божьим трудом она меня спасет. Защитит. Если я не буду ее держаться, то могу потерять душу.

Бабуля была права — я должна была искупить грехи.

Фары пикапа пронзали лес, когда Могильный Прах заходил в него глубже. Бабуля ждала возле ямы в земле с Библией в руке и ящиком для картошки у ног.

Стоун и богатая женщина с любопытством наблюдали за происходящим с крыльца. Ветер выл между деревьев. Они обменялись встревоженными взглядами, затем торопливыми фразами, а после сбежали в дом, спешно, будто воры.

Могильный Прах аккуратно уложил меня в сосновый ящик, уже опущенный в вырытую им яму. Достаточно глубокую, чтобы закопать, недостаточно — чтобы навсегда.

— Они отправятся в рай? — спросила я из гроба, когда бабуля передала мне один сверток, затем другой. Я крепко прижала их к груди. Никогда прежде мое масло не забирало кого-то настолько маленького. Они были легче воздуха. Крошки. Крошки, у кото-

рых никогда не было шанса увидеть этот мир — из-за меня. Они пахли отвратительно сладко, и от этого запаха меня тошнило.

Бабуля вложила мне в руки маленькую Библию. Я любила ее. Бледно-голубая, с морщинками на корешке от частого использования. Спереди было изображение Иисуса, рассказывающего что-то двум маленьким деткам.

— Они отправятся в рай? — снова спросила я, паникуя из-за отсутствия ответа.

Страх встал комом в горле, и я подавилась слезами. Страх, что я буду виновата, если их души не будут спасены.

Бабулино лицо было непроницаемо, когда она произнесла бессердечную правду:

— Они рождены от греха, совсем как ты. Их не желали. Их не любят. — Ее слова жалили, как всегда.

Может, я не заслуживала защиты Господа. Я ненавижу себя за то, чему послужила причиной. И Господь тоже наверняка будет меня ненавидеть.

— А что, если я буду их любить? Они отправятся в рай, если я стану их любить?

Ее морщинистые губы коварно растянулись поверх желтых с трещинками зубов.

— Ты должна искупить грех, — сказала она вместо ответа.

Затем улыбнулась, не с сочувствием, но с удовольствием. Она была счастлива исполнить свое наказание, довольна возможностью напомнить мне о своей власти.

— Я люблю их, бабуля. Я люблю их, — отчаянно заявила я. Я надеялась, что этого будет доста-